

изучения местного края, образованного 15 декабря 1923 г., долгое время занимал должность учёного секретаря общества, являлся членом совета Нижнетагильского краеведческого музея.

В 1930 г. Пигулевский переехал в Свердловск. С 1930 по 1934 г. преподавал в Коммунистическом университете и, одновременно, в Электромеханическом институте инженеров транспорта; в 1935 г. – в Медицинском институте и в институте повышения квалификации кадров народного образования в качестве методиста и заведующего учебной частью; с 1936 года – преподаватель Урало-Казахстанской промышленной академии.

24 июня 1937 г. Пигулевский был арестован органами НКВД и вновь обвинён в антисоветской деятельности. К сожалению, подробности этого дела пока недоступны для исследования, оно будет открыто только по истечении 75-летнего срока хранения, т.е. в 2012 г. Пока же только известно только то, что Борис Васильевич Пигулевский был осуждён на длительный срок и умер в заключении 18 мая 1943 г.

Примечания:

1. Верхотурская старина. 2000. № 7-8.С.11.
2. ГАСО. Ф.1573, оп.1, д.51, л.1.
3. ВФВМ. Д.5053/2.
4. ГУ ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.84496, т.2, л.532.
5. Там же. Л.791.

Е.В. Бородина
Екатеринбург

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУДОПРОИЗВОДСТВА ДАЛМАТОВСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В ГОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ (1721 – 1727 ГГ.)

Годы правления Петра I ознаменовались проведением ряда важнейших для страны реформ, которые предопределили ее развитие в течение всего XVIII в. Все преобразования первого российского императора имеют длительную историографическую традицию изучения. Несмотря на это, следует отметить, что в большинстве своем петровская историография представлена общими исследованиями. Анализ социально-экономических, политических и культурных процессов рассматривается в масштабах всей страны – огромной по территории, с региональной спецификой в каждой губернии.

Разнообразие условий, в которых проводились реформы, требует обратить особенное внимание на обстоятельства их реализации в каждой местности. Цель данной статьи – проанализировать порядок внедрения нововведений в Урало-сибирском регионе на примере судебной реформы Петра Великого.

Судебные и тесно связанные с ними административные преобразования петровской эпохи прошли несколько этапов в своем развитии. Первые годы самостоятельного царствования Петра (1689 – начало 1700-х гг.) они не были продуманы, носили спонтанный характер. Подчас нововведения так и не распространялись на территорию всего государства и имели специфический характер. Лишь во второй половине 1710-х гг. реформаторская деятельность становится более целенаправленной, начинает носить упорядоченный характер.

Именно на этот период приходится попытки создать аппарат управления на основе разделения административных учреждений по функциональному принципу. Впервые в качестве самостоятельной отрасли управления рассматривается суд. Создаются судебные органы, в

большинство из которых назначаются судьи, не имевшие губернаторских или воеводских полномочий.

Еще одним новшеством эпохи стали назначение вместо патриарха лишь исполняющего обязанности (местоблюстителя) и организация государственного учреждения для управления всеми церковными делами – «Духовного коллегия», или Святейшего Синода. Именным указом от 18 января 1721 г. всем членам духовной коллегии было назначено жалование [1]. Регламент духовного ведомства обязывал всех членов Синода присягать на верность царю [2]. Это, с одной стороны, уравнивало духовенство с чиновниками. С другой стороны, им запрещалось участвовать в решении светских вопросов: «в мирские дела и обряды не входить ни для чего».

Царь попытался ввести новые принципы управления церковью и выстроить иные взаимоотношения с ней, что было не так легко сделать. Церковных иерархов было непросто лишить всех привилегий. Еще сложнее было разграничить полномочия новых государственных ведомств. Так как последний вопрос уже имеет значительную историографию [3], в статье будет обращено основное внимание на вопросы встраивания церкви в состав новой государственной машины и передачи ею судебных полномочий светским чиновникам. В качестве примера будет взят Далматовский Успенский монастырь.

Судебная реформа 1717 – 1727 гг. предполагала создание самостоятельных судебных органов на местах. Страна была поделена на несколько судебных округов, некоторые из которых не совпадали с административно-территориальным делением на губернии. Во главе каждого такого округа находились надворные суды. В Сибирской губернии с конца 1720 г. начал работу Тобольский надворный суд [4]. В 1722 г. еще один надворный суд был учрежден в Енисейске [5]. Кроме того, на уровне уездов и провинций были организованы «нижние суды». В 1720 – 1722 г. они были представлены городскими судьями и провинциальными судами, а в 1722 – 1727 гг. – судебным канцеляриями во главе с судебными комиссарами.

Находясь в Шадринском дистрикте, Успенский Далматов монастырь по всем светским вопросам должен был подчиняться местным властям. В 1710-е гг. шадринская администрация была представлена комендантом. С 1721 г. появляются новые должностные лица: комиссаром «при сборе податей» назначен полковник Ф. Толбузин. Ему в помощь из монастырских крестьян было определено трое окладчиков [6].

О назначении на должности судей в Шадринске долгое время ничего не было слышно. Первое и единственное упоминание о судебном комиссаре Иевлеве относится лишь к началу 1723 г. [7] Его деятельность в шадринской округе, по всей видимости, не была активной, так как не отложилось в известных нам архивных фондах. Работа других судей Шадринского дистрикта также практически не отражена в имеющихся у нас источниках. По всей видимости, никто из них не задерживался долго на данной должности, все управленческие функции были сосредоточены в руках земского комиссара Ф. Толбузина. С 1726 г. он, не теряя своих прежних полномочий, становится главой Шадринской канцелярии судебных дел [8].

Фонд «Далматовского Успенского монастыря» Государственного архива г. Шадринска содержит некоторую информацию о деятельности монастырских служб в рассматриваемый период. Среди материалов фонда имеется достаточное число входящих документов, раскрывающих особенности локального судопроизводства. Несмотря на создание судов

общей юрисдикции, в монастыре в течение 1710 – 1720-х гг. действовала казенная келья [9], исправно принимавшая доношения и изветы от местного населения.

Эта монастырская канцелярия имела очень широкий круг обязанностей: прием указов императора и Тобольского и Сибирского митрополита Антония, промеморий из канцелярий Шадринского и других близлежащих дистриктов, ведение переписки, прием челобитчиков, ведение допросов по поступившим делам. Таким образом, набор занятий казенной кельи мало отличался от круга деятельности любого светского учреждения. Как келья осуществляла судебные функции?

За указанный период до нас не дошло ни одной регистрационной книги челобитий. Лишь одна единица хранения фонда за 1721 г. [10] более или менее напоминает такой регистр. Сохранившиеся на 13 листах немногочисленные изветы и доношения записаны в ней вперемешку с допросами и приговорами по делу. В отличие от рассматриваемого периода, количество зарегистрированных челобитных от окрестных крестьян за 1730 – 1740-е гг. более значительно. Этот факт позволяет сделать предположение, что монастырь был ограничен в праве суда.

Данное положение доказывают входящие документы из Тобольского архиерейского приказа – указы Тобольского и Сибирского митрополита Антония. Архиерейский приказ, как и другие канцелярии, пересылал в монастырь именные и сенатские указы, некоторые из которых касались правил судопроизводства и порядка выплаты денежного и хлебного жалования статским лицам в монастырских вотчинах [11].

В одном из таких «указов Его Императорского Величества», представляющем собой длинный перечень переданных из Тобольска «Каменных заводов господина камисара Фефилова человеком ево Игнатием Панкратевым» в октябре 1722 г. документов, можно найти очень интересную запись. «По первому пункту о суде и протчем, как в нем показано, никто от подчиненных Синоду не поступал и никаких действ не употреблял». Данный отрывок прямо говорит о том, что монастырь в вопросах суда и следствия должен был руководствоваться распоряжениями светской власти.

Тенденция просматривается и в других указах митрополита. В марте 1722 г. на основе промемории из Тобольского надворного суда о допросе священника для расследования дела «о краже пожитков» из канцелярии Антония пришло распоряжение произвести дознание [12]. В январе 1725 г. в наместнику Успенского Далматова монастыря пришло приказание «о приеме и содержании» до указа надворного суда монастырского постриженника Авраамия Карамышева [13].

На основании этих скупых сведений можно сделать вывод, что архиерейский приказ и подчиненный ему монастырь имели исключительное право допрашивать священнослужителей, на церковь налагалась ответственность по содержанию подследственных духовных лиц. Иногда Далматов монастырь вел переписку с надворным судом без посредничества архиерейского ведомства. Чаще всего она касалась вопросов расследования и наказания по наиболее тяжким преступлениям, которые рассматривались только надворным судом и губернским начальством [14]. В губернский центр они присылались только по результатам предварительного расследования дела монастырским начальством.

Немногочисленные сведения о работе судебных канцелярий близлежащих Шадринского и Окуновского дистриктов, свидетельствуют о том, что духовное ведомство так же исправно исполняло их просьбы [15].

Таким образом, несмотря на некоторые ограничения, которые были наложены на церковь в связи с созданием Святейшего Синода и изданием ряда законодательных актов, церковные учреждения не потеряли своих судебных функций. Это видно на примере Далматова монастыря, который в 1720-е гг. был активно включен в деятельность государственных органов, сохраняя право на предварительное следствие по делам в своей вотчине и вынесение приговоров по незначительным случаям.

Тем не менее, церковь продолжала сохранять определенную независимость, которая проявлялась не только в исключительном праве судить священнослужителей, допрашивать и содержать их под стражей, если они находились под светским судом. Анализ челобитий и изветов, поступивших в Далматов монастырь показал их отличия от челобитных в судебных канцеляриях любого другого дистрикта. Челобитные в любую судебную канцелярию адресованы на имя государя: «всепресветлейшему державнейшему императору и самодержцу всероссийскому Петру Великому, отцу Отечества, государю всемилостивейшему» [16]. Доношения в казенную келью обращения непосредственно руководству Далматова монастыря: «пречестнейшему отцу архимандриту Исааку еже во Христе з братию», «игумну Филиппу з братию», «наместнику иеромонаху Моисею з братию». Это обстоятельство можно связать с тем, что большинство челобитчиков монастыря проживали на территории его вотчины, воспринимали монашескую братию как коллективного собственника земельных владений.

Примечания:

1. ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 312. № 3712.
2. ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 314-315. № 3718.
3. Богословский, М. М. Областная реформа Петра 1. Провинция: 1719 – 27 гг. М., 1902; Балакирева, Л. М. Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия. Новосибирск, 2003; Редин, Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711 – 1727 гг.). Екатеринбург, 2007; Бородина, Е. В. К вопросу о нормативной регламентации деятельности судебных комиссаров на Урале и в Западной Сибири в 1722 – 1726 годах // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2007. – С. 44 – 50; Бородина, Е. В. Судебная реформа 1719 – 1727 гг. на Урале: формирование ведомств и полномочий // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 13. – № 49. – С. 56 – 71; Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009 и др.
4. Бородина Е. В. Первые судьи Сибири: состав Тобольского надворного суда в 1721 – 1722 гг. // Уральский исторический вестник. – 2009. - № 4 (25). С. 116.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 47 – 47об.
6. Осинцев Л. П. Житница государева // Шадринская старина. 1993. Краеведческий альманах. Шадринск, 1993. С. 105; Рябков Н. Г. Шадринск в «летописном своде» Успенского Далматова монастыря (1712 – 1818) // Шадринская старина. 1995. Краеведческий альманах. Шадринск, 1995. С. 112.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 150.
8. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 104. Л. 23-23об.
9. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 137. Л. 18.
10. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 64.
11. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 67. Л. 26 – 28об., 52-53.
12. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.
13. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 – 1об.
14. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 74. Л. 9 – 10.
15. См., например: ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.
16. См., например: ГАО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.